

спективен для определения контактных зон славянских языков и для установления фонда «европеизмов».

К сожалению, однако, за рамками этой главы осталась идиоматика славянских языков, которая составляет «золотой фонд» собственно фразеологии. Поэтому ареалы, намеченные О. Б. Ткаченко, тяготеют к интернациональным и мало отражают собственно славянскую, тем более — внутриславянскую специфику устойчивых словосочетаний. Жаль также, что сам термин «фразеологизм» употребляется автором весьма расширенно — даже в отношении слов типа *пожалуйста* (с. 258), *благодарю* (с. 266) или *караул!* (с. 269), что вряд ли правомерно.

Можно отметить и общие спорные или проблематичные положения или места книги. Переоценивается, как кажется, роль субстрата в славянских языках — особенно в фонетических системах (с. 32, 39, 45, 40). Не всегда при анализе заимствований учитывается язык-посредник — например, немецкий для освоения галлицизмов в чешском (с. 58). Обилие материала, которое является, как уже подчеркивалось, достоинством монографии, оборачивается в некоторых ее частях подачей ее списком, «навалом» (с. 49). При сопоставлении чаще всего подаются разные наборы лексем, хотя вполне возможны наборы почти тождественные — это бы сэкономило место (ср. с. 56, 57, 59, 62, 77, 138, 139, 150). Лишь в разделе о числительных видна четкая тематическая однородность сопоставляемого материала (с. 104). Неоднотипно обращаются авторы и с переводом приводимых славянских фактов — то дают его, то нет (ср. с. 55, 56, 57, 59, 68, 230). Не учтена и отдельная литература, прямо относящаяся к проблеме, — например, фундаментальная статья об именах существительных с суф. *-dl-(-l-)* [4] при рассмотрении его на с. 55 или новаторская работа Ш. В. Хайрова [5] при анализе славянских составных наименований (с. 213 и сл.). Можно, конечно, найти

и мелкие огрехи типа опечаток в чеш. *malo* вм. *málo* (с. 123) или *donest* вм. *donést* (с. 145). Ясно, однако, что это — мелкие придирки к крупной работе.

«Историческая типология славянских языков» — фундаментальный вклад в сопоставительную лингвистику. Несомненно, что этот труд значительно оживит славистические исследования в этом направлении, откроет новые перспективы в синкретичном рассмотрении языковых фактов как с синхронических, так и с диахронических позиций. Книгу прочтут не только научные работники и преподаватели вузов, но и студенты-слависты и студенты-русисты, в программу обучения которых входит курс сравнительной грамматики славянских языков. Остается только пожалеть, что тираж книги весьма невелик — всего 1800 экземпляров, и пожелать ее авторам не только завершить и опубликовать второй том этого нужного труда, но и переиздать том рецензируемый.

Мокиенко В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черепанова О. А. Об одном непродуктивном типе наречий в русском языке // Исследования по грамматике русского языка. Вып. V. Л., 1973. С. 197—206.
2. Кошелев А. Р. Одна синтаксическо-морфологическая модель в славянских языках // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1964. Т. 58. № 2.
3. Ткаченко О. Б. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979.
4. Кондрашов Н. А. Имена существительные с суффиксом *-dl-/-l-* в славянских языках // *Sborník pedagogické fakulty Univerzity Karlovy. Filologické studie*. 1975. VI.
5. Хайров Ш. В. Аналитические предикативные выражения в славянских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985.

Теория грамматического значения и аспектологические исследования /Отв. ред. Бондарко А. В. Л.: Наука, 1984. 281 с.

Аспектологическая проблематика постоянно находится в центре внимания грамматистов. Конечно, особое внимание ей уделили слависты: в славянских языках вид является грамматической категорией, обязательной для глагола

в целом. Однако и исследователи тех языков, которые не обладают такой категорией, описывают аспектуальные значения и средства их выражения в этих языках. Рецензируемая монография построена преимущественно на не-

славянском материале. Из 11 глав работы лишь в первой и восьмой рассматриваются славянские языки, в остальных главах — немецкий, английский, французский, армянский, узбекский, албанский, чукотский и грузинский. Весь материал описывается с единых теоретических позиций — с позиций ленинградской аспектологической школы; при этом используется понятие функционально-семантического поля аспектuality [1].

Монография, подготовленная в отделе теории грамматики и типологии языковых исследований ЛО Института языкознания АН СССР, является существенным шагом вперед как в разработке теории общей и сопоставительной аспектологии, так и в исследовании видо-временных систем ряда языков. Хотя главы, посвященные отдельным языкам, не построены по единой схеме и весьма разнородны по содержанию, можно выделить (в соответствии с введением к монографии) ряд общих теоретических проблем, рассматриваемых в ней: 1) функционирование видо-временных форм глагола; 2) связь лексических значений глагола с их видо-временной семантикой; 3) семантическая структура поля аспектuality.

1. В монографии получили дальнейшее развитие актуальные в настоящее время проблемы функциональной грамматики, и прежде всего проблема функционирования грамматических форм. В главе «Типология славянских видо-временных систем и функционирование форм претерита в „эпическом“ повествовании» (автор Ю. С. Маслов) дан четкий и содержательный анализ употребления форм прошедшего времени глаголов совершенного и несовершенного видов для выражения различных типов видо-временных ситуаций, представленных в художественном тексте. Исследуется употребление этих форм в русском, болгарском и сербохорватском языках, представляющих три главных типа организации славянских претеритальных систем. Эта глава намечает перспективные направления исследования аспектологических проблем с позиций лингвистики текста, способствует формированию «аспектологии текста», и в частности — «сопоставительной аспектологии текста».

Функционирование видо-временных форм английского глагола в плане «аспектологии текста» рассмотрено в главе, написанной Т. Г. Акимовой. Автор изучает возможности комбинаторики семантических признаков качественной аспектuality в разных типах высказывания. Употребление французского имперфекта и претерита в речи иссле-

дует Е. А. Реферовская, функционирование видо-временных форм различных смысловых групп армянского глагола (глаголов физического воздействия и эмоционального отношения) — Н. А. Козинцева, контекстные условия реализации значений видо-временных форм албанского глагола — А. П. Сытов, употребление чукотских видо-временных форм — В. П. Недялков и его соавторы. В главе, написанной Ю. А. Пупыным (единственной главе, полностью основанной на русском материале), описывается употребление глаголов страдательного залога в неограниченно-кратном (*ворота открывались ... раз в неделю*) и потенциально-качественном (*стеклянная посуда легко моется*) значениях несовершенного вида.

В связи с описанием употребления видо-временных форм в ряде глав поставлен теоретически важный вопрос о соотношении значения, в котором та или иная форма выступает в тексте (речи), с системным значением этой формы в языке. Так, в главе об аспектуальных значениях французского глагола Е. А. Реферовская выявляет системные и функциональные (речевые) значения форм претерита и имперфекта.

Особое внимание этой проблеме (и связанной с ней проблеме соотношения частных и общих значений) уделено в главе «Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике „временных форм“ немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения». В. М. Павлов — автор этой главы — останавливает точку зрения, которая состоит в том, что «типовые частные значения грамматической формы, являющиеся продуктами ее взаимодействия с категориальными признаками лексических значений, которые „подводятся“ под эту форму, относятся к ее семантическому потенциалу не как варианты речевого уровня к инварианту языкового уровня, а образуют взаимосвязанные элементы системы потенциально реализуемых в речи значений формы» (с. 43), т. е. являются языковыми. Эта точка зрения представляется убедительной: действительно, вряд ли правомерно было бы ограничивать сферу языковой семантики только обобщениями частных значений, а последние считать только речевыми. В главе дан обстоятельный анализ «сопряженных» темпоральных и аспектуальных сем, образующих семантический потенциал глагольных форм немецкого языка. Этот анализ подтвердил возможность использования того понятия семантического потенциала, которого придерживается автор.

Однако вызывает возражение та негативная характеристика, которую по-

лучает в главе используемое во многих работах понятие общего инвариантного значения грамматических единиц. Завершая главу, автор пишет: «только отказ от жесткого оппозиционного подхода к изображению грамматической системы и ее подсистем с преимущественной опорой на „универсальные системные инварианты“ получаемые посредством „отбрасывания“ всех „переменных“ признаков... открывает перспективу такого анализа грамматического строя, который соответствует задаче современной лингвистической науки» (с. 70). Надо полагать, что достаточно полно виды «устройства» грамматических значений могут быть описаны только в результате анализа разнообразных грамматических форм многих языков. Однако уже сейчас можно сказать, что многие из этих форм вряд ли могут быть описаны без помощи понятия общего инвариантного значения. Не повторяя многих примеров из области грамматической семантики, отметим, что без понятия общего инвариантного значения нельзя обойтись и в области словообразования. Значения многих словообразовательных аффиксов (-и-, -ова-, -ница-, -ник-, -щик/-чик-, -тель, -н-, -ов-, -ск- и др.) могут быть установлены только путем сведения к семантическому инварианту тех семантических компонентов, которые приходятся на их долю в конкретных словах (см. подробнее [2]). Этим способом определяется их семантический потенциал, очерчивающий круг возможных новообразований с помощью данных аффиксов. Вместе с тем в сфере словообразования можно отметить и такие единицы (например, префиксы), значение которых представляет собой, говоря словами В. М. Павлова, «разветвленный „пучок“ значений... не сводимый... к какому-либо инварианту» (с. 46). Отметим, кстати, что развитие значений славянских префиксов (прежде всего глагольных) — прекрасная иллюстрация того процесса возникновения разветвленных пучков значений грамматической единицы, о котором пишет В. М. Павлов: «В ходе развития языка грамматическая форма распространяется на новые разряды слов. категориальные семантические признаки которых отличают эти разряды от тех, на которых данная грамматическая форма первоначально определялась в своем содержании. В ее семантике появляются новые признаки...» (с. 46). Так, значение «обмана» у префикса *об-* (*обсчитать*, *обмерить* и т. п.) появилось, надо полагать, в результате сочетания этих префиксов с беспрефиксальными глаголами «обмана» (*обжудить*, *обокрасть* и т. п.) и было заимствовано префиксом у этих

глаголов. Это новое значение не сводится в единый инвариант совместно с другими значениями того же префикса.

Однако данный процесс развития значений грамматических форм не является единственно возможным (в частности, расширение сочетаемости формы, имеющей достаточно широкое значение, может не оказывать на это значение никакого влияния). Не является универсальным с нашей точки зрения и предложенный В. М. Павловым способ анализа грамматической семантики.

2. Одним из сложных вопросов аспектологии продолжает оставаться вопрос о связи лексического значения глагола с его аспектологическими характеристиками. Остается актуальной задача максимально полного выделения лексических разрядов, сочетающихся или не сочетающихся с компонентами видовой семантики. В монографии сделан существенный вклад в решение этой задачи. Во многих ее главах рассматриваются группировки глаголов, представляющие собой результат разной степени обобщения их лексических значений: 1) предельные / неопредельные глаголы; 2) способы действия; 3) обобщенные семантические группы: глаголы действия / состояния; динамичные / статичные; конкретные / абстрактные и т. п.; 4) более частные семантические подгруппы: глаголы созидания и разрушения; приобретения, передачи; звуковых проявлений; физического воздействия; эмоционального отношения и т. п. Описываются виды соотношений между многими группировками в разных языках (например, способы действия предельных глаголов: семантические подгруппы глаголов состояния и т. п.).

Особое внимание уделяется предельным / неопредельным глаголам. На материале разных языков получена подтверждение важность этих семантических подклассов глаголов для образования и функционирования видо-временных форм (ср. особенно главы об аспектуальной семантике немецкого, английского, французского, армянского и узбекского глаголов). Показано, что особую роль эта категория играет в тех языках, которые не обладают грамматической категорией вида.

Материалы монографии демонстрируют чрезвычайную нестроту и разнообразие лексических значений, признанных аспектологически релевантными. Естественно возникает вопрос о построении их иерархии, об их систематизации и об уточнении границ самого поля аспектуальности. Далеко не всегда ясно, какие из описываемых значений следует включать в это поле. Определенно можно считать аспектуальными первые два из указанных выше групп значений — значе-

ния предельности / неопределенности и способов действия. Вместе с тем, как известно, категория способов действия в аспектологической литературе с достаточной четкостью не определена. Исследователи неодинаково очерчивают ее границы и предлагают разные семантические и формальные критерии ее выделения. Определения понятия «способы действия» нет ни в одной из глав монографии, хотя рассмотрены многие из них.

Неясно, следует ли вводить в поле аспектиальности третью и четвертую из указанных групп значений. Целесообразно, видимо, считать их не входящими в поле аспектиальности, но аспектологически релевантными.

3. С вопросом о границах поля аспектиальности тесно связан вопрос о его семантической структуре. В каждой из глав подробно описываются основные аспектологические значения, выраженные определенными средствами данного языка. Описание такого рода открывают перспективу широких обобщений в области сопоставительной аспектологии. (Ср. задачи сопоставительной аспектологии, намеченные в [1].)

Следующим шагом исследований может быть выявление универсальных аспектологических значений, свойственных всем изученным языкам или их большинству, и более специфических аспектологических значений. Необходимо, конечно, и выявление сходств и различий в средствах выражения аспектиальной семантики (этим средствам в рецензируемой монографии уделено, к сожалению, гораздо меньше внимания, чем значениям). Во многих главах монографии продемонстрировано, что в языках, не имеющих грамматической категории вида, важнейшим средством выражения видовых значений являются формы времени, «сознанием» которых являются видовые значения.

В монографии уделено большое внимание взаимодействию поля аспектиальности с другими полями — прежде всего с полем темпоральности, а также с полем таксиса. Специальные главы (седьмая и восьмая) посвящены взаимодействию аспектиальности и залоговости.

В краткой рецензии, конечно, невозможно остановиться на всех сторонах этой содержательной книги. Специального разбора заслуживали бы, например, тонкие и многообразные семантические

характеристики видо-временных форм изучаемых языков. Эти характеристики, несомненно, должны быть учтены в грамматических описаниях этих языков.

Монография объединена единством цели (описание полей аспектиальности разных языков, дальнейшая разработка теории грамматического значения) и общностью теоретической концепции — функциональная грамматика в ее «полевом» варианте. В книге, однако, есть не совпадающие точки зрения по ряду вопросов. На некоторые из них указано в книге (ср. полемику между А. В. Бондарко и В. М. Павловым по поводу «категориальных значений»), другие может обнаружить читатель. Так, по мнению В. М. Павлова, существуют глаголы, «нейтральные по отношению к признаку предельности / неопределенности» (с. 57), в то же время Е. А. Реферовская полагает, что «несомненно прав Г. Лафлеш... настаивающий на том, что „для всякой глагольной лексемы предельность или неопределенность является обязательной врожденной чертой“» (с. 94). Может быть, во введении к монографии следовало дать определение некоторых понятий, используемых в дальнейшем большинством авторов. Это устранило бы немногочисленные повторения, имеющиеся в главах. Так, в четырех главах (ср. с. 50, 72, 93, 133) даются очень близкие друг к другу определения предельных / неопределенных глаголов.

В целом же монография представляет несомненный интерес для теории грамматики, для общей и сопоставительной аспектологии. Она совершенствует методику аспектологических исследований, расширяет их фактическую базу, намечает интересные перспективы дальнейшего изучения сложных проблем глагольного вида и связанных с ним грамматических и лексических явлений.

Улуханов И. С.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
2. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977. С. 87—96.